

РАЗОЧАРОВАНИЕ В «ГРАНДИОЗНЫХ ПЛАНАХ»? РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ПРАКТИКЕ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ И ШВЕЦИИ. Резюме

Лиза Кингс, Жанна Кравченко

В теоретических дискуссиях социологов-урбанистов городское пространство зачастую присутствует как фон, на котором разворачивается социальное действие, как пространство, в котором складывается социальный опыт, происходят различные экономические, политические, социальные процессы (Gans 2002). Тем не менее, организация городского пространства включает определение не только целей социального развития и механизмов решения социальных проблем, но и самого понятия социального развития, а также круга социальных задач, которые целесообразно решать методом планирования пространства. Официально сформулированные представления о пространстве создают нормативные структуры, в рамках которых осуществляется социальная жизнь.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В этой статье с опорой на теорию Анри Лefевра о социальном производстве пространства (Lefebvre 1991) анализируется концептуальное обеспечение практик планирования в России и Швеции не как пассивный инструмент в достижении социальных целей, но как важный ресурс формирования и результат приложения идеологических принципов через репрезентации пространства. Вслед за Лири репрезентации пространства определяются здесь в качестве «рациональных, интеллектуальных представлений о городском пространстве, используемых в целях планирования и управления» (Leary 2009:196). Примечательно, что применение концептуального аппарата урбанистической социологии в исследованиях планировочной теории и практики весьма ограничено, несмотря на сходство дисциплин в определении планирования как вмешательства государства в саморегулируемую рыночную организацию. Социологический подход в данном случае обращает внимание на тот факт, что порядок, наблюдаемый в организации городских поселений, не является всеобъемлюще рациональным. Он тесно связан с господствующими социальными ценностями, конфликтами и политическими интерпретациями того, каким должен быть социальный порядок (Scott 1992).

Помимо коллективно разделяемых образов реальности, репрезентации пространства содержат в себе ряд нормативных аспектов, определяющих, что является рациональностью, знанием, и, таким образом, искомой реальностью (Flyvbjerg 2003). Независимо от того, в рамках какой управленческой парадигмы они оперируют, планировщики не просто стремятся реализовать какие-то абстрактные, универсальные представления об общем благе, но также (вос)производят социальные отношения и в отношении производства, распределения и потребления данных благ (Harvey 1985). Этот факт не только делает необходимым анализ идеологического фундамента планирования, но и позволяет проводить сравнительные исследования планировочных практик в разных временных и географических контекстах.

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ГОРОДСКИХ ПЛАНОВ

При помощи анализа генеральных планов Ленинграда/Санкт-Петербурга и Стокгольма мы собираемся показать, как пространственное измерение идеологических парадигм отражается в постановке социальных и экономических задач. В качестве главного фокуса исследования выбраны два момента в истории городов: 1950–1960-е годы (период господства социалистических/социал-демократических принципов управления и планирования) и начало 2000-х годов (период структурных изменений), разных по масштабу и интенсивности, но сравнимых по степени разрыва с предыдущей парадигмой социальной организации и развития.

Шведское государство благосостояния возникло и развивалось под влиянием идей о невозможности организовать справедливое общество без участия государства в регулировании рынка. При этом данная концепция не предполагала демократизации собственности, но опиралась на коммодификацию пространства, предоставляя в то же время возможности для участия разных социальных агентов в практике планирования (Franzén and Sandstedt 1981). Влияние частных акторов на процесс планирования стало расти в 1980-е годы, и позднее, в результате внутривосточных и международных экономических изменений, приобрело еще более существенное значение. Трансформация планировочной парадигмы в России была более драматичной: от подхода, основанного на понимании централизованного планирования в качестве *единственного* инструмента достижения благополучия и равенства (Коган 1982), к подходу, требующему согласования интересов и возможностей местного самоуправления, частных инициатив и новых принципов государственного управления в 1990-е годы. В постсоциалистический период большинство проблем, с которыми столкнулись российские планировщики, мало чем отличались от проблем, встающих перед их коллегами в западных странах (French 1995).

Выборка исследования ограничена четырьмя генеральными планами (Стокгольм 1952 и 1999, Ленинград/Санкт-Петербург 1966 и 2005) и не отражает всех нюансов в развитии национальных подходов к планированию (ср. Ruoppila 2007). Более того, фокусирование анализа на репрезентациях пространства оставляет без внимания собственно процесс разработки планов и вопрос о том, какие агенты в него вовлекаются и какие властные отношения формируются. Такой подход

призван формально отделить процесс концептуализации пространства от процесса институционализации планов и приведения их в жизнь. Методология исследования включает два момента: в первую очередь, мы рассматриваем особенности формулирования целей и задач каждого плана в отдельности, а затем сравниваем сходства и различия между ними.

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА: ОБЩИЕ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ

СТОКГОЛЬМ (1952)

Развитие Стокгольма на протяжении второй половины XX века стало физической манифестацией политического курса партии социал-демократов, находившихся у власти почти беспрерывно с середины 1930-х годов (Hall 1999). Запоздавший процесс урбанизации в Швеции в 1940-е годы был важной частью строительства государства благосостояния, набравшего полную силу после окончания Второй мировой войны. Именно в этот период спорадические и зачастую второстепенные попытки государственного вмешательства в рыночное управление сменились всеохватывающим планированием. План Стокгольма 1952 года являлся одним из первых и ярких примеров новой практики. Развитие города было стремительным, и широкое его планирование имело целью избежать ошибок прежней «неплановой» урбанизации (Generalplan för Stockholm 1952:114). В частности, строительство нового и разрушение старого жилья стали неотъемлемой частью политики по привлечению в регион рабочей силы, необходимой для интенсификации индустриализации, которая в свою очередь стала движущей силой политики благосостояния (Franzén and Sandstedt 1981). Таким образом, развитие городских пространств тесно связывалось с размещением жилья и рабочих мест. Создание привлекательной среды проживания, включающей в себя высокие стандарты жилья, его доступность и экономичность, являлось главной целью плана (Generalplan för Stockholm 1952:113).

Особое внимание авторами плана было уделено созданию комфортной «психосоциальной среды», предоставлению возможностей для личностного развития и социальной адаптации. Рост Стокгольма происходил за счет строительства новых жилых районов на ранее неосвоенных пригородных территориях, он был основан на новых принципах комплексного сочетания общественных, зеленых, рекреационных и жилых зон в так называемые функциональные единицы. Подробная разработка сфер проживания и потребления требовала формулирования стандартизованных представлений о повседневной жизни будущих жителей. При этом повседневная жизнь не должна была изменяться под влиянием изменения среды; наоборот, планирование пространства было призвано сделать среду комфортной для уже сложившихся практик.

ЛЕНИНГРАД (1966)

В отличие от Стокгольма, для которого рассматриваемый выше план стал первым в истории, Ленинград/Санкт-Петербург на протяжении всего развития имел дей-

ствующий генеральный план. План 1966 года намечал приоритеты развития для более подробных пятилетних планов, разрабатываемых для шестнадцати городских административных районов. Данный документ не содержал в себе отдельной части, рассматривающей цели и задачи, тем не менее, два главных аспекта организации городского пространства – сокращение размера населения и освоение приморских территорий – так или иначе отражались во всех разделах плана (Проект генерального плана 1964). Первая тема – сокращение населения города – была актуальна и для других крупных городов Советского Союза, в первую очередь для Москвы (Сенявский 2003) и диктовалась не только низким качеством доступного жилья, но и представлением о том, что высокая плотность населения негативно сказывается на качестве жизни в городе.

В отличие от шведского плана, сконцентрированного на привлечении миграции в город, план Ленинграда был сосредоточен на создании необходимых условий для людей, в нем уже проживающих. Развитие городской среды подразумевало интенсивное жилищное строительство, а также расширение и улучшение городской инфраструктуры с четко заданными параметрами планирования и оценками его воплощения (Проект генерального плана 1964:67, 69). Одним из основополагающих принципов планирования было не только обеспечение стандартизованных форм производства и потребления, но и определенных стандартов мобильности в черте города и за ее пределами.

СТОКГОЛЬМ (1999)

К концу 1990-х годов предпосылки, на которых строилось городское планирование, существенно изменились по сравнению с 1950-ми годами. В первую очередь, государственное вмешательство на том уровне, на котором оно было возможно раньше, потеряло поддержку как в обществе в целом, так и среди профессионалов в частности. Это отразилось в том, что генеральный план (к этому времени переименованный в «опорный план» (*översiktsplan*)) приобрел намного более общий характер, существенно расширив как количество, так и характер поставленных целей по организации городского пространства. Последние включили: 1) использование преимуществ Стокгольмского региона, 2) удовлетворение потребностей динамичного развития, 3) развитие и использование особенностей расположения города, 4) стимулирование занятости, благосостояния и социального равновесия, и 5) обеспечение возможности для устойчивого социального развития (*Översiktsplan 1999 Stockholm*).

Первые три из перечисленных целей тесно связаны между собой и формулируют представление об особой роли Стокгольма как столицы, важного центра в Балтийском регионе и привлекательной для туризма и иностранных инвестиций европейской метрополии. Социальный аспект развития города, на котором концентрировался предыдущий генеральный план, получил второстепенное место. Более того, акцент на доступном жилье установленного стандарта для всех сменился идеями о необходимости сформулировать специфические потребности *разных* групп населения и предоставить возможности для их реализации в условиях сложившегося и продолжающегося расти неравенства. Примечательно также, что

сама возможность развития города посредством планирования была поставлена под сомнение (Översiktsplan 1999 Stockholm:5).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (2005)

На протяжении десятилетий, последовавших за принятием плана 1966 года, не только город сменил свое имя, но и стратегия городского развития претерпела значительные изменения, отразившиеся в том, как формулировались цели и задачи генерального плана 2005 года (Закон Санкт-Петербурга № 728-99 2005). В первую очередь, отказ от парадигмы централизованного планирования и включение других, в том числе частных организаций в процесс разработки планов потребовало менее стандартизованного подхода к формулированию приоритетов. Хотя необходимость улучшения условий городской среды по-прежнему оставалась одним из приоритетов политики городского развития, задачи по обеспечению «интеграции в российскую и мировую экономику» (с тем, чтобы усилить значение города в Балтийском регионе и на Северо-Западе России) заняли более важное место. Пространство, которое осваивается данным генеральным планом, выходит далеко за пределы границ самого города. Кроме того, картографическая визуализация планируемого пространства стала более «технократической».

Необходимо отметить два важных изменения в подходе к пониманию развития пространства города: идея сокращения плотности населения осталась в прошлом, ее место заняла идея о «европейском стандарте» городской среды как о главном ориентире оценки ее качества. Последнее органично вписывается в идею о необходимости поддержания многообразия физического и социального пространства и создания возможностей для реализации потребностей разных групп населения города в зависимости от имеющихся у них ресурсов. Территориальное планирование следует проекциям экономического развития, а не определяет его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВОПЛОЩАЯ ИДЕОЛОГИИ В ЖИЗНЬ

Данное исследование имело своей целью продемонстрировать, как городское планирование становится частью идеологического проекта посредством формулирования целей и задач социального развития города, а также репрезентаций пространства. Различия в презентации, процессе разработки, уровне детализованности генеральных планов Стокгольма и Санкт-Петербурга затрудняют прямое сравнение данных документов. Тем не менее, можно констатировать ряд ключевых сходств и различий между ними.

Развитие обоих городов основывалось на идее комплексного сочетания различных зон производства и потребления. Вместе с тем, советская идеология предполагала, что неравномерное распределение социальных ресурсов может корректироваться посредством жесткого и централизованного регулирования физического пространства. В Швеции же достижение социального равенства не ставилось в прямую зависимость от физического местонахождения объектов распределения, последнее во многом определялось экономической целесообразностью. Идея о всеобъемлющей ответственности государства перед гражданами за создание

комфортной среды поддерживалась через разработку детальных показателей осуществления планов. В обоих случаях попытки обеспечить однородность среды, выразившиеся, в первую очередь, в стандартизованных жилых микрорайонах, вызвали впоследствии критику как с эстетической, так и с экономической точки зрения. Более того, задача достижения равенства интерпретировалась как стремление к «одинаковости», стандартизации не только пространства, но и социальной жизни, в нем заключенной.

В последующих планах идея социального равенства уступила место потребности к рыночной адаптации в риторике о создании комфортной для проживания среды. Данный переход сопровождался развитием стратегий по увеличению конкурентоспособности городов в более глобальных масштабах, что отражает тот факт, что и Санкт-Петербург, и Стокгольм участвуют в программе по развитию Балтийского региона, цели которой противоречивы: с одной стороны, продвижение социальной солидарности, а с другой – поддержка соперничества между предпринимателями на уровне городов/регионов и капитализации на «местных особенностях». Представление о том, что планирование перестает быть инструментом регулирования и управления и становится инструментом адаптации, объединяет современные генеральные планы Стокгольма и Санкт-Петербурга.

В заключение можно отметить, что, хотя дисциплинирующие механизмы планировочных парадигм и практик периода расцвета социалистической/социал-демократической идеологии получили широкое распространение в научной литературе, дисциплинирующий порядок рыночного регулирования гораздо менее исследован. Переход от идей равенства и управляемости городского пространства к представлениям о городской среде как сырье для капиталистического производства отражает не только внутрисполитические и идеологические изменения в Швеции и России, но и глобальное доминирование неолиберальных идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Закон Санкт-Петербурга № 728-99. 2005. «О генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга». Просмотрено 29 сентября, 2013 (<http://ppt.ru/newstext.phtml?id=4560>).
- Коган, Леонид. 1982. *Социально-культурные функции города и пространственная среда*. М.: Стройиздат.
- Проект генерального плана Ленинграда 1958–1980. 1964. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга. Ф. 386. Оп. 3-3. Д. 35.
- Сенявский, Александр. 2003. *Урбанизация России в XX веке*. М.: Наука.
- Flyvbjerg, Bent. 2003. "Rationality and Power." Pp. 318–329 in *Readings in Planning Theory*, edited by Scott Campbell and Susan S. Fainstein. Oxford: Blackwell.
- Franzén, Mats and Eva Sandstedt. 1981. *Välfärdsstat och byggande: Om efterkrigstidens nya stadsmönster i Sverige*. Lund, Sweden: Arkiv.
- French, Anthony R. 1995. *Plans, Pragmatism and People: The Legacy of Soviet Planning for Today's Cities*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Gans, Herbert J. 2002. "The Sociology of Space: A Use-Centered View." *City and Community* 1(4):329–339.
- Generalplan för Stockholm. 1952. Stockholm: Stockholms stadsplanekontor.
- Hall, Peter. 1999. *Cities in Civilization: Culture, Innovation, and Urban Order*. London: Phoenix Giant.

- Harvey, David. 1985. *The Urbanization of Capital: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Leary, Michael E. 2009. "The Production of Space through Shrine and Vendetta in Manchester: Lefebvre's Spatial Triad and the Regeneration of a Place Renamed Castlefield." *Planning Theory and Practice* 10(2):189–212.
- Lefebvre, Henri. 1991. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
- Översiktsplan 1999 Stockholm. Stockholm: Strategiska avdelningen, Stadsbyggnadskontoret.
- Ruoppila, Sampo. 2007. "Establishing a Market-Oriented Urban Planning System after State Socialism: The Case of Tallinn." *European Planning Studies* 15(3):405–427.
- Scott, James W. 1992. *The Challenge of the Regional City*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.